

расширил свое присутствие в Киликии”, подразумевая под этим захват Рубенидом принадлежавшей Антиохийскому княжеству Равнинной Киликии²³. А.А. Бозоян приписал данному союзу антивизантийскую направленность. Но если такая и имела место, то лишь косвенно, так как обязавшись не нападать на владения эмира (но не выполнив этого обязательства), Левон предоставил Амир Гази свободу рук на северных границах эмирата для борьбы с Иоанном II. Но и сам князь получил возможность начать завоевание Равнинной Киликии, не опасаясь удара в спину. Этим и исчерпывался антивизантийский аспект нереализованного соглашения 1130 г.

И наконец, о роли в событиях 1130–1132 гг. брата Иоанна II севастократора Исаака. А.А. Бозоян отводит ему роль лидера антивизантийского союза, как ранее – лидера оппозиции императору, которая, “по всей вероятности, выражала интересы некоторых социальных прослоек византийского двора” и “чинила препятствия проведению активной ближневосточной политики Византии”²⁴. Но Исаак не “восстал против брата” и не “удалился из империи”, а бежал из лагеря византийской армии после провала его заговора против совершавшего малоазийский поход Иоанна II. Беглец появился у Амир Гази Данышменда, был отправлен им в Трапезунд к Константину Гавре. Но после похода в Киликию эмир обнаружил Исаака уже в Мелитене. Проведя там зиму, Исаак с сыном Иоанном оказался уже при дворе Левона I. Женившись на дочери князя, Иоанн получил от него только что отвоеванные у Антиохийского княжества Адану и Мамистру. Однако вскоре Левон отнял города и Комнины были вынуждены бежать к султану Рума Масуду²⁵. Метания Исаака вряд ли свидетельствуют о том, что он стал лидером антивизантийского союза. Комнин искал силу, способную поддержать его претензии на престол. Но складывается впечатление, что его планы нигде не принимали всерьез, что в конечном счете и вынудило его примириться с братом и возвратиться в Константинополь.

Таким образом, построения А.А.Бозояна о существовании в Малой Азии в 20-х – начале 30-х годов XII в. антивизантийского союза, в котором лидирующую роль играли то Исаак Комнин, то княжество Рубенидов, на наш взгляд, несостоятельны. Торос I в 1124–1127 гг. не был ни вассалом, ни союзником Византии, как не было “армяно-византино-тюрского союза”. Были поддержка, оказанная Араби в его борьбе за престол Торосом I и бегство его в Византию после поражения в этой борьбе. Не было и союза с Византией преемника Тороса Левона I, как не было и его перехода на сторону эмирата Данышмендов в 1130 г. Пытаясь объяснить переход Рубенида на сторону эмира на основании труда Михаила Сирийца, А.А. Бозоян пишет, что причиной этого явилось то, что Антиохийское княжество “в каждый удобный момент посягало на границы Киликийского княжества”²⁶. Но весь данный тезис несостоятелен, так как автор не называет ни одного “удобного момента”, которым воспользовалось бы Антиохийское княжество, на наш взгляд, потому, что между 1118–1130 гг. их не было. Как мы отмечали выше, в 1118 г. как союзник князя Антиохии Рожера Левон участвовал во взятии г. Азат²⁷. В 1119 г. Рожер погиб в сражении и регентом княжества стал брат его вдовы Цицилии король Иерусалима Бодуэн II. Лишь в 1126 г., когда на восток прибыл сын первого князя Антиохии Боэмунда Тарентского Боэмунд II, король передал ему “Антиохию и всю Киликию”,

²³ См.: *Cahen Cl. La Syrie du Nord au temps des croisades et le principaute franque d'Antoiche. P., 1940. P. 359.*

²⁴ *Бозоян А.А. Восточная политика Византии. С. 8.*

²⁵ *Cahen Cl. Op. cit. P. 230.*

²⁶ *Бозоян А.А. Восточная политика Византии. С. 10.*

²⁷ Между 1119–1121 гг. город был передан графству Эдесскому как приданое сестры Рожера Марии, выданной замуж за Жослена I де Куртене. Ранее ее руки просил один из сыновей (?) Иоанна II. Ср.: Там же. с. 13.